

18+

ПИРАТ

ФРЕДЕРИК МАРРИЕТ

Перевод с английского: Дмитрий Корсаков

Фредерик Марриет

Пират

«Издательские решения»

Марриет Ф.

Пират / Ф. Марриет — «Издательские решения»,

В этой классической приключенческой повести знаменитого мастера морского романа Капитана Марриета есть всё, за что мы любим жанр: яростные штормы, жестокие abordажы, тайны происхождения, спрятанные сокровища и, конечно, искренняя любовь, ради которой герои готовы бросить вызов самой смерти. Когда судьба наконец сведет братьев лицом к лицу на судебном процессе в Порт-Ройяле, на кону окажется не только шелковая петля для «пирата», но и семейная тайна, способная изменить жизнь каждого из них.

© Марриет Ф.

© Издательские решения

Содержание

Фредерик Марриет	6
ПИРАТ	7
Перевод с английского: Дмитрий Корсаков	8
Глава вторая. Холостяк	12
Глава третья. Шторм	17
Глава четвертая. Течь	20
Глава шестая Мичман	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Пират

Фредерик Марриет

Переводчик Дмитрий Корсаков

© Фредерик Марриет, 2026

© Дмитрий Корсаков, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-8126-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фредерик Марриет

ПИРАТ

Перевод с английского: Дмитрий Корсаков

Капитан Фредерик Марриет (1792—1848 встречается также написание Марриат) — знаменитый английский моряк и писатель, один из основоположников жанра морского приключенческого романа. Он не просто выдумывал свои сюжеты, а опирался на богатейший личный опыт: Марриет много лет прослужил в Королевском военно-морском флоте Великобритании, участвовал в Наполеоновских войнах и дослужился до чина капитана. Его живые, наполненные юмором и реалистичными деталями морского быта книги (такие как «Мичман Тихоня», «Пират» и «Корабль-призрак») оказали огромное влияние на последующих мастеров приключенческой литературы, включая Джозефа Конрада и Эрнеста Хемингуэя.

Пират

Глава первая. Бискайский залив.

Это было в конце июня месяца тысяча семьсот девяносто какого-то года. Сердитые волны Бискайского залива постепенно утихали после жестокого шторма, столь же сильного, сколь и необычного для этого времени года. Однако они всё еще тяжело перекачивались; и время от времени ветер налетал порывистыми, яростными шквалами, словно желая возобновить битву стихий. Но каждое новое усилие было всё слабее, и темные тучи, созданные бурей, теперь разлетались во все стороны под мощными лучами солнца, которое разрывало их массы величественным потоком света и тепла. Изливая свои блистательные лучи и проникая глубоко в воды той части Атлантики, о которой идет речь, солнце освещало — за исключением одного едва видимого объекта — огромную окружность воды, ограниченную воображаемым небесным сводом, точно так же, как это было при сотворении мира. Мы сказали: за исключением одного объекта; ибо в центре этой картины, столь простой и в то же время столь возвышенной, состоящей из трех великих стихий, находился остаток четвертой. Мы говорим «остаток», потому что это был всего лишь корпус судна, лишенный мачт и залитый водой. Его верхняя часть лишь изредка поднималась над волнами, когда мимолетное затишье их всё еще бурного волнения позволяло ему восстановить плавучесть. Но это случалось редко: в одно мгновение его захлестывали потоки моря, обрушивающиеся через планширь, а в следующее оно поднималось из своего погружения, пока вода вытекала из портов на его бортах.

Сколько тысяч кораблей, сколько миллионов богатств было покинуто и в конечном итоге предано всепоглощающим глубинам океана из-за невежества или из-за страха! Какая сокровищница должна лежать погребенной в его песках! Какие богатства запутались среди его скал или остались подвешенными в его бездонной пучине, где сжатая жидкость по своему удельному весу равна тому, что она окружает, — чтобы оставаться там, защищенными в своем ложе от тления и распада, до уничтожения вселенной и возвращения хаоса! И всё же, как бы ни были огромны накопленные потери, большая их часть была вызвана незнанием одного из первых законов природы — закона удельного веса. Судно, о котором мы упомянули, по всем признакам находилось в ситуации столь же крайней опасности, как и утопающий, цепляющийся за одну пеньковую нить; однако в действительности оно было более защищено от падения в бездну, чем многие корабли, лихо несущиеся по водам, чьи обитатели отбросили всякий страх и рассчитывают лишь на скорое прибытие в порт.

«Черкас» вышел из Нового Орлеана прекрасным и отлично снаряженным кораблем с грузом, большую часть которого составлял хлопок. Капитан в обычном понимании этого слова был хорошим моряком; команда состояла из закаленных и умелых матросов. Пересекая Атлантику, они столкнулись со штормом, о котором мы упоминали, и были отброшены в Бискайский залив, где, как мы объясним позже, судно лишилось мачт и получило течь, с которой они не смогли справиться, несмотря на все усилия. Прошло уже пять дней с тех пор, как напуганная

команда покинула корабль на двух шлюпках, одна из которых перевернулась, и все находившиеся в ней погибли; судьба другой оставалась неизвестной.

Мы сказали, что экипаж покинул судно, но мы не утверждали, что на нем не осталось ни одного живого существа. Будь это так, мы бы не стали занимать время читателя описанием неодушевленной материи. Мы изображаем жизнь, а жизнь всё еще теплилась в разбитом корпусе, брошенном на посмеище океану.

В камбузе «Черкешенки» — то есть в поварской рубке, закрепленной на палубе, которая, к счастью, была зафиксирована столь надежно, что выдержала напор разбивающихся волн, — оставались три существа: мужчина, женщина и ребенок. Двое первых принадлежали к той низшей расе, которую на протяжении столь долгого времени увозили со знойных африканских берегов, дабы они трудились, но не пожинали плодов своего труда. Ребенок, лежавший у груди женщины, был европейской крови; сейчас он был смертельно бледен и тщетно пытался найти пропитание у истощенной кормилицы. По ее темным щекам катились слезы; время от времени она прижимала младенца к груди и поворачивала его с подветренной стороны, чтобы укрыть от брызг, обдававших их при каждом новом накате вала. Равнодушная ко всему, кроме своего маленького подопечного, она молчала, хотя и содрогалась от холода, когда вода омывала ее колени всякий раз, как корпус корабля кренился на волне. От холода и ужаса изменился даже цвет ее кожи, которая теперь отливала желтизной или каким-то медным оттенком.

Мужчина, ее спутник, сидел напротив нее на железной кухонной плите, которая некогда служила источником света и тепла, а теперь стала лишь унылым прибежищем для промокшего и изнуренного несчастного. Он также не произносил ни слова уже много часов. Мышцы его лица обмякли, толстые губы сильно выдавались вперед на фоне ввалившихся щек, высокие скулы выпирали, словно набухающие рога, а в глазах виднелись почти одни белки — он казался существом еще более несчастным, чем женщина, чьи мысли были обращены к младенцу, а не к себе самой. И все же его чувства оставались обострены, хотя рассудок, казалось, притупился от избытка страданий.

— Ох, горе мне! — слабо произнесла негритянка после долгого молчания, обессиленно откинув голову назад.

Ее спутник ничего не ответил, но, пробудившись от звука ее голоса, подался вперед, приоткрыл сдвижную дверь и выглянул с наветренной стороны. Тяжелые брызги ударили в его стекленеющие глаза и затуманили зрение; он застонал и опустился на прежнее место.

— Что ты думаешь, Коко? — спросила негритянка, бережнее укутывая ребенка и склоняясь над ним.

Единственным ответом ей был полный отчаяния взгляд и дрожь от холода и голода.

Было около восьми часов утра, и океанская волна стремительно утихала. К полудню тепло солнца передалось им сквозь доски камбуза, а его лучи проникали ярким узким потоком сквозь щели закрытых панелей. Негр, казалось, постепенно приходил в себя. Наконец он поднялся и с некоторым трудом снова сумел приоткрыть дверь. Море заметно успокоилось и лишь изредка перехлестывало через судно. Осторожно держась за косяки, Коко выбрался наружу, чтобы осмотреть горизонт.

— Что ты там видишь, Коко? — спросила женщина, заметив из камбуза, что его взгляд устремлен в одну точку.

— Видит Бог, мне кажется, я что-то вижу. Но в глазах столько соленой воды, что я не вижу ясно, — ответил Коко, стирая соль, которая успела кристаллизироваться на его лице за утро.

— На что это похоже, Коко?

— Просто клочок тучи, — ответил он, возвращаясь в камбуз и с тяжелым вздохом садясь обратно на решетку.

— Ох, горе мне! — воскликнула негритянка, которая приоткрыла ребенка, чтобы взглянуть на него; силы ее таяли на глазах. — Бедный маленький господин Эддард, он совсем плох... Боюсь, он скоро умрет. Смотри, Коко, он не дышит.

Голова ребенка упала на грудь кормилицы, и жизнь, казалось, угасла.

— Джуди, у тебя совсем нет молока для малыша. Если нет молока, как ему жить? Эй, постой, Джуди, я засуну свой палец ему в рот. Если господин Эддард жив, он станет сосать.

Коко вложил палец в рот ребенка и почувствовал слабое втягивающее усилие.

— Джуди! — закричал Коко. — Господин Эддард еще не умер! Попробуй сейчас, вдруг с другой стороны осталась хоть капля.

Бедная Джуди печально покачала головой, и слеза скатилась по ее щеке; она понимала, что природа истощена.

— Коко, — сказала она, вытирая щеку тыльной стороной ладони, — я бы отдала кровь своего сердца за господина Эддарда, но молока нет — всё кончилось.

Это горячее выражение любви к ребенку, слетевшее с уст Джуди, натолкнуло Коко на мысль. Он достал из кармана нож и совершенно спокойно пропилил свой указательный палец до самой кости. Кровь выступила и потекла к кончику, который он и приставил к губам младенца.

— Смотри, Джуди, господин Эддард сосет — он не умер! — закричал Коко, радостно посмеиваясь над удачным исходом своей попытки и позабыв в этот миг об их почти безнадежном положении.

Ребенок, оживленный столь необычным питанием, постепенно восстанавливал силы и через несколько минут уже с некоторой энергией сосал палец.

— Погляди, Джуди, как господин Эддард за него взялся, — продолжал Коко. — Соси, господин Эддард, соси. У Коко десять пальцев, и пройдет много времени, прежде чем ты выпьешь их все досуха.

Однако ребенок вскоре насытился и уснул на руках у Джуди.

— Коко, может, ты пойдешь посмотришь еще раз? — попросила Джуди.

Негр снова выбрался наружу и принялся вглядываться в горизонт.

— Видит Бог, на этот раз мне не кажется, Джуди... Да, видит Бог, я вижу корабль! — радостно закричал Коко.

— Ох! — слабо вскрикнула Джуди от восторга. — Значит, господин Эддард не умрет!

— Да, видит Бог, он идет сюда!

И Коко, к которому, казалось, вернулась часть прежней силы и подвижности, взобрался на крышу камбуза. Там он сел, скрестив ноги, и замахал своим желтым носовым платком в надежде привлечь внимание людей на борту; ведь он понимал, что объект, плавающий почти вровень с поверхностью воды, легко может остаться незамеченным.

К счастью, фрегат — а это был именно он — держал курс прямо на обломки, хотя дозорные на топах мачт, чьи взгляды были устремлены строго к линии горизонта, его еще не заметили. Менее чем через час нашей маленькой группе стала угрожать новая опасность — быть раздавленными фрегатом, который теперь находился на расстоянии кабельтова от них. Он мчался стремительным и бурным курсом, гоня перед собой волны, превращавшиеся в широкую полосу пены. Коко закричал изо всех сил и, к счастью, привлек внимание матросов, находившихся на бушприте и убирающих фор-стенг-стаксель, который подняли просушить после шторма.

— Право на борт! — раздался громовой крик.

— Есть право на борт! — последовал ответ с квартердека, и руль был переложен без лишних вопросов, как это всегда и делается на военном корабле. Впрочем, в подобных случаях людям надлежит быть весьма осмотрительными, отдавая такую команду, и быть готовыми представить последующее и самое исчерпывающее объяснение.

Лисель на стенге захопал и затрепетал, фок заходил ходуном, а кливер надулся, когда фрегат стал приводиться к ветру, едва не задев обломки. Корпус судна, оказавшийся теперь прямо под носом корабля, так яростно качало в белой пене разбушевавшейся воды, что Коко лишь с большим трудом удерживался на своем возвышении, вцепившись в обрубок грот-мачты.

Фрегат убавил паруса, лег в дрейф и спустил шлюпку с кормовой базы. Менее чем через пять минут Коко, Джуди и младенец были спасены из своего ужасного положения. Бедная Джуди, которая держалась из последних сил только ради ребенка, передала его в руки спасшего их офицера и тут же упала без чувств; в таком состоянии ее и переправили на борт.

Коко, заняв свое место на кормовой банке шлюпки, дико огляделся по сторонам, а затем разразился раскатами безудержного, безумного смеха. Он хохотал без перерыва, и это было единственным ответом, который от него могли добиться на все расспросы с квартердека, пока наконец негр не свалился в обморок и не был передан на попечение судового врача.

Глава вторая. Холостяк

Вечером того же самого дня, когда ребенок и двое негров были спасены с обломков корабля благодаря счастливому появлению фрегата, господин Уизерингтон с Финсбери-сквер сидел один в своей столовой. Он гадал, что же могло приключиться с «Черкешенкой» и почему он до сих пор не получил известий о ее прибытии. Господин Уизерингтон, как мы уже сказали, был один; перед ним стояли портвейн и херес, и, хотя погода была довольно теплой, в камине потихоньку горел огонь, поскольку, как утверждал сам господин Уизерингтон, это создавало уют. Некоторое время поразглядывая потолок комнаты, на котором, разумеется, невозможно было обнаружить ничего нового, господин Уизерингтон налил еще бокал вина. Затем, дабы устроиться с еще большим удобством, он расстегнул на жилете еще три пуговицы, сдвинул парик подальше на затылок и ослабил все пуговицы на коленях своих бриджей. В завершение своих приготовлений он пододвинул к себе два стоявших поблизости стула: на один закинул ноги, а на другой облокотился рукой. Да и почему бы господину Уизерингтону не устраиваться с удобством? У него было отменное здоровье, чистая совесть и восемь тысяч фунтов годового дохода.

Довольный всеми этими мелкими приготовлениями, господин Уизерингтон пригубил портвейн, снова поставил бокал, откинулся на спинку кресла, сложил руки на груди, переплетя пальцы, и в этой преудобной позе возобновил свои размышления по поводу неприбытия «Черкешенки».

Мы оставим его наедине с его мыслями, а сами тем временем познакомим читателей с этим джентльменом поближе.

Отец господина Уизерингтона был младшим сыном в одном из старейших и самых гордых семейств Уэст-Райдинга в Йоркшире. Перед ним открывался выбор из четырех профессий, обычно уготованных младшим сыновьям, в чьих жилах течет патрицианская кровь: армия, флот, юриспруденция и церковь. Армия ему не подошла, поскольку, по его словам, маршировки и контрмарши не доставляли никакого удобства; флот тоже не устроил — мало приятного в штормах и заплесневелых сухарях; закон не подошел, так как он не был уверен, что его совесть останется при этом спокойной, а это не сулило уюта; церковь также была отвергнута, ибо ассоциировалась у него со скудным жалованием, тяжелыми обязанностями, женой и одиннадцатью детьми, что было совершенно несовместимо с понятием об удобстве. К великому ужасу своей родни, он пренебрег всеми благородными профессиями и принял предложение одного старого дядюшки-отступника, который позвал его в свой банкирский дом, пообещав долю в деле, как только племянник ее заслужит. В результате родственники с негодованием распрощались с ним и больше никогда им не интересовались: с ним порвали так же решительно, как порвали бы с какой-нибудь из дочерей этого семейства, совершив она предосудительный шаг.

Тем не менее Уизерингтон-старший усердно занимался делом, через несколько лет стал компаньоном, а после смерти старого джентльмена, своего дяди, оказался владельцем солидного состояния и с каждым годом загребал в своем банке деньги лопатой.

Тогда Уизерингтон-старший купил дом на Финсбери-сквер и почел за благо подыскать себе жену. Поскольку в его натуре все еще оставалось немало семейной гордости, он твердо решил не портить кровь Уизерингтонов союзом с какими-нибудь девицами с Кейтитон-стрит или Минсинг-лейн. После надлежащих поисков он остановил свой выбор на дочери шотландского графа, которая в компании девяти своих сестер прибыла в Лондон на литском судне, дабы выменять знатность рода на богатство. Поскольку господину Уизерингтону повезло оказаться первым соискателем, ему, по правилам вежливости, предоставили выбор из всех девяти леди. Его избранница была белокура, синеглаза, со слегка веснушчатым лицом, очень высо-

кого роста, весьма недурна собой и значилась в списке семейной Библии под номером четыре. От этого союза у господина Уизерингтона появилось потомство: во-первых, дочь, крещенная Могги, которую мы вскоре представим читателям как сорокасемилетнюю старую деву, и, во-вторых, Антони Александр Уизерингтон, эсквайр, которого мы только что оставили в весьма удобной позе и в глубокой задумчивости.

Уизерингтон-старший убедил своего сына поступить на службу в банкирский дом, и тот, как послушный сын, переступал его порог каждый день. Однако больше он там ничего не делал, совершив счастливое открытие, что «отец родился раньше него» — иными словами, у отца было полно денег, и ему волей-неволей придется оставить их после себя.

Поскольку Уизерингтон-старший всю жизнь стремился к удобству, его сын с ранних лет перенял эту идею и довел свои чувства в этом отношении до гораздо большей крайности: он делил все вещи на удобные и неудобные. В один прекрасный день леди Мэри Уизерингтон, оплатив все домашние счета, оплатила и долг природе — то есть скончалась. Ее муж оплатил счет гробовщика, так что надо полагать, ее похоронили.

Вскоре после этого у Уизерингтона-старшего случился апоплексический удар, который свалил его с ног. Смерть, не имеющая представлений о чести, нанесла удар лежачему. Прележав несколько дней в постели, господин Уизерингтон после второго удара упокоился в том же склепе, что и леди Мэри Уизерингтон. А Уизерингтон-младший (наш господин Уизерингтон), вычтя сорок тысяч фунтов на приданое сестре, обнаружил себя владельцем чистых восьми тысяч фунтов годового дохода и отличного дома на Финсбери-сквер. Господин Уизерингтон почел этот доход вполне удобным и потому навсегда отошел от дел.

При жизни родителей он оказался свидетелем одной-двух супружеских сцен, которые заставили его занести женитьбу в разряд вещей неудобных. По этой причине он так и остался холостяком.

Его сестра Могги тоже осталась незамужней. Было ли тому причиной весьма непрезентабельное косоглазие, отпугивавшее кавалеров, или же та самая неприязнь к браку, которую перенял её брат, мы утверждать не беремся. Господин Уизерингтон был на три года моложе своей сестры, и хотя уже некоторое время носил парик, делал это исключительно потому, что находил это более удобным.

Весь характер господина Уизерингтона можно было бы свести к двум словам — чудачество и доброжелательность. Чудаком он, конечно, был, как и большинство зарекомендовавших себя холостяков. Мужчина — всего лишь грубая галька, пока не обтешется от соприкосновения с нежным полом. Удивительно, как дамы шлифуют мужчину до такой гладкости, которая позволяет ему катиться по жизни бок о бок с остальными представителями своего вида, соприкасаясь, но не раня соседей, когда волны обстоятельств сталкивают их вместе.

Господин Уизерингтон очнулся от глубокой задумчивости и нащупал шнур от звонка. В обязанности дворецкого входило неизменно привязывать этот шнур к подлокотнику хозяйского кресла, перед тем как в последний раз покинуть столовую. Ибо, как весьма справедливо замечал господин Уизерингтон, было очень неудобно вставать, чтобы позвонить. Сказать по правде, господин Уизерингтон не раз взвешивал все за и против того, чтобы обзавестись дочерью лет восьми, которая могла бы звонить в колокольчик, просушивать у огня газеты и разрезать страницы нового романа.

Однако, когда он вспоминал, что она не сможет вечно оставаться именно в этом нежном возрасте, то решал, что чаша весов с удобством перевешивает в пользу прежней жизни.

Господин Уизерингтон дернул за шнур и снова погрузился в глубокие размышления.

Появился дворецкий, господин Джонатан. Заметив, однако, что хозяин занят своими мыслями, он тут же замер у двери — прямой, неподвижный, с лицом столь же меланхолическим, как если бы он исполнял обязанности безмолвного плакальщика у крыльца дома какого-

нибудь усопшего пэра королевства. Ведь общеизвестно: чем выше ранг покойного, тем длиннее должно быть лицо и, само собой, тем выше оплата.

Поскольку господин Уизерингтон всё еще погружен в глубокие размышления, а господин Джонатан способен стоять так же долго, как лошадь наемного экипажа, мы оставим их в этом положении и вкратце познакомим читателей с историей жизни последнего.

Джонатан Трэпп начинал службу в качестве мальчишки на побегушках (в оригинале — *footboy*, «мальчик для ног»). Это наименование, надо полагать, пошло от того, что лица, находящиеся в столь скромном звании, получают вполне достаточное количество пинков от вышестоящих, дабы придать больше рвения их службе. Затем он стал выездным лакеем (*footman*), что подразумевало его продвижение к более приятному праву — самому раздавать, а не получать вышеупомянутые оскорбительные зуботычины. И наконец, поскольку дальнейшее повышение в этом семействе было невозможно, он был возведен в звание дворецкого в доме Уизерингтона-старшего.

Тут Джонатан влюбился, ибо дворецкие повинны в безрассудствах ничуть не меньше своих хозяев. Ни он, ни его прекрасная пассия, служившая горничной в другой семье, не пожелали внять предупреждениям, хотя и не раз видели последствия подобной ошибки у других. Они подали заявление об уходе и поженились.

Как и большинство образующих пары дворецких и горничных, они открыли трактир. Справедливости ради надо сказать, что горничная предпочла бы столовую, но Джонатан настоял на своем, аргументируя это тем, что люди пьют, даже когда не испытывают жажды, но никогда не станут есть, если они не голодны. Хотя в этом замечании и была доля истины, дело определенно не пошло. Поговаривали, что высокая, сухопарая и тощая фигура Джонатана вредила его торговле: люди слишком склонны судить о качестве эля по румянному лицу и округлости трактирщика, а потому делали вывод, что хорошего пива быть не может там, где хозяин являет собой живое воплощение голода.

В нашем мире внешность действительно значит многое. Из-за своего мертвенно-бледного вида Джонатан очень скоро появился в списках банкротов. Однако то, что разорило его в одном деле, помогло немедленно найти работу в другом. Оценщик, обойщик и гробовщик, призванный оценить имущество трактира, положил глаз на Джонатана. Понимая всю ценность его на редкость скорбного вида и имея сводного брата такого же роста, он тут же предложил ему работу профессионального плакальщика. В своем новом занятии — оплакивании потерь чужих тысяч — Джонатан вскоре позабыл о потере собственных нескольких сотен. Его прямая, застывшая, подобно статуе, осанка и длинное меланхоличное лицо у врат тех, кто отошел в мир иной, частенько служили безмолвной сатирой на скорбь наследников. В нашем торговом мире даже скорбь ничего не стоит, если за нее не заплачено.

Джонатан похоронил многих, а в конце концов похоронил и собственную жену. До сих пор всё шло неплохо, но затем он похоронил своего хозяина-гробовщика, что было уже не столь желательно. И хотя Джонатан не проливал слез, он безмолвно выражал печаль, провожая его в последний путь, а на обратном пути с похорон выпил за его упокой кувшин портера, восседая вместе с остальными, подобно воронью, на крыше катафалка.

И вот теперь Джонатан остался без работы по причине, которую большинство людей сочли бы наилучшей рекомендацией. Ни один гробовщик не соглашался взять его к себе, потому что ему невозможно было подобрать пару. В этом досадном затруднении Джонатан вспомнил о Уизерингтоне-младшем: он служил его отцу, господину Уизерингтону, и хоронил как его, так и матушку, леди Мэри. Он чувствовал, что имеет веские права на место после столь разнообразных услуг, а потому обратился к холостяку.

К счастью для Джонатана, действующий дворецкий господина Уизерингтона как раз собирался совершить ту же глупость, что и сам Джонатан в прошлом. Так Джонатан снова вступил в должность, твердо решив про себя вести прежнюю жизнь и больше не иметь никаких

дел с горничными. Однако в силу привычки Джонатан во всех обычных случаях по-прежнему держался как плакальщик — никогда не позволяя себе даже подобия веселья, за исключением тех моментов, когда замечал, что его хозяин находится в прекрасном расположении духа; да и тогда он делал это скорее из чувства долга, нежели от искренней радости на сердце.

Для своего положения в обществе Джонатан был недурно образован. За время службы у гробовщика он усвоил английский перевод всех латинских девизов, которые помещаются на траурных гербах; и эти девизы, когда находил их уместными, он был весьма склонен цитировать.

Мы оставили Джонатана стоящим у двери; он притворил ее, но ручка все еще оставалась в его руке.

— Джонатан, — произнес господин Уизерингтон после долгой паузы, — я хотел бы взглянуть на последнее письмо из Нью-Йорка, ты найдешь его на моем туалетном столике.

Джонатан молча вышел из комнаты и снова появился уже с письмом.

— Я очень давно жду это судно, Джонатан, — заметил господин Уизерингтон, разворачивая послание.

— Да, сэр, очень давно; время летит — *tempus fugit*, — вполголоса ответил дворецкий, наполовину прикрыв глаза.

— Уповаю на Бога, что не случилось никакой беды, — продолжал господин Уизерингтон. — Моя бедная маленькая кузина и ее близнецы... даже сейчас, пока я это говорю, они, быть может, все лежат на дне морском.

— Да, сэр, — отозвался дворецкий, — море лишает многих честных гробовщиков их законной прибыли.

— Клянусь кровью Уизерингтонов! Я ведь могу остаться без наследника и буду вынужден жениться, что было бы крайне неудобно.

— Очень мало удобства, — повторил как эхо Джонатан. — Моя жена умерла. В небесах покой — *in caelo quies*.

— Что ж, нужно надеяться на лучшее, но эта неизвестность совсем неудобна, — заметил господин Уизерингтон, пробежав глазами содержание письма, должно быть, уже в двадцатый раз. — На этом всё, Джонатан, скоро я велю подать кофе.

И господин Уизерингтон снова остался один, устремив взгляд в потолок.

Кузина господина Уизерингтона, его большая любимица (а поскольку господин Уизерингтон обладал огромным состоянием и не имел никакого отношения к делам, родственники ухаживали за ним наперебой), в некоторой степени позволила себе лишнее. Проще говоря, невзирая на запреты родителей, она влюбилась в молодого лейтенанта пехотного полка, чья родословная была всего лишь сносной, а состояние и вовсе не заслуживало этого слова, поскольку состояло из одного лишь субалтерн-офицерского жалованья.

Бедные мужчины, к несчастью, всегда объясняются в любви лучше богатых: им меньше приходится заботиться о последствиях, они не раздуваются от собственной значимости, а потому не столь эгоистичны и думают гораздо больше о даме, нежели о себе самих. Молодые леди, когда влюбляются, тоже никогда не задумываются, хватит ли у них средств, «чтобы котелок варил» — вероятно, потому, что влюбленные барышни теряют аппетит, и, не испытывая в эту пору желания есть, воображают, будто любовь всегда восполнит нехватку пищи.

Мы спросим у замужних дам, разве мы не правы, утверждая следующее: хотя на угощение, выставленное для них и их друзей в день свадьбы, они смотрят чуть ли не с отвращением, вскоре после этого аппетит возвращается к ним с лихвой? Именно так и произошло с Сесилией — вернее, с Сесилией Темплмор, так как накануне она переменила фамилию. То же самое случилось и с её мужем, который всегда отличался отменным аппетитом, даже в дни ухаживания. В результате счета от содержателя офицерской столовой (а жили они в казармах) уже через несколько недель начали внушать серьезную тревогу.

Сесилия обратилась к своей родне, и те весьма любезно передали ей, что она может подышать с голоду. Но поскольку этот совет не устраивал ни ее саму, ни ее мужа, она написала своему кузену Антони. Тот ответил, что будет счастлив видеть их у себя за столом и что им следует обосноваться на Финсбери-сквер.

Это было как раз то, чего они желали, но все же имелось одно затруднение: полк лейтенанта Темплмора стоял гарнизоном в одном из городков Йоркшира, что находился на некотором пустяковом расстоянии от Финсбери-сквер. И необходимость присутствовать за обеденным столом господина Уизерингтона в шесть часов вечера при обязанности являться на парад каждое утро в девять часов представляла собой дилемму, из которой, казалось, не было выхода.

По этому запутанному поводу последовал обмен несколькими письмами. В конце концов было решено, что господин Темплмор уйдет в отставку с военной службы и приедет к господину Уизерингтону вместе со своей хорошенькой женой. Он так и поступил, обнаружив, что гораздо удобнее подниматься к девяти часам утра к хорошему завтраку, нежели к военному параду.

Однако господин Темплмор обладал честной гордостью и независимостью характера, которые не позволяли ему есть хлеб праздности. После двухмесячного пребывания в преудобных апартаментах, где ему не грозили счета от содержателя офицерской столовой, он откровенно признался в своих чувствах господину Уизерингтону и попросил его содействия в поиске благородного заработка. Господин Уизерингтон, который уже успел привязаться к ним обоим, попытался было возражать, замечая, что Сесилия — его родная кузина, а сам он — убежденный холостяк. Но в данном случае господин Темплмор проявил твердость, и господин Уизерингтон весьма неохотно уступил.

Одному торговому дому высочайшей репутации как раз требовался компаньон, который мог бы контролировать их грузы, отправляемые в Америку. Господин Уизерингтон внес необходимую сумму, и через несколько недель господин и госпожа Темплмор отплыли в Нью-Йорк.

Господин Темплмор был деятелен и умен; их дела процветали, и через несколько лет они уже рассчитывали вернуться на родную землю с приличным достатком. Однако осень второго года после их прибытия выдалась крайне болезненной: свирепствовала желтая лихорадка, и среди тысяч тех, кого она унесла, жертвой пал и господин Темплмор — примерно через три недели после того, как его жена разрешилась от бремени близнецами. Госпожа Темплмор поднялась с постели вдовой и матерью двух прекрасных мальчиков. Потерю господина Темплмора возместил торговый дом, с которым он был связан, а господин Уизерингтон предложил своей кузине то убежище, в котором она, в своем горестном и неожиданном вдовстве, так сильно нуждалась.

Через три месяца ее дела были устроены, и со своими маленькими сыновьями, находившимися на грудном вскармливании у двух негритянских кормилиц — ибо не удалось найти никаких других, кто согласился бы на такое плавание, — госпожа Темплмор в сопровождении Коко в качестве слуги взошла на борт отличного корабля «Черкешенка», шедшего высшим классом в Ливерпуль.

Глава третья. Шторм

Те, кто, стоя на пристани, наблюдал за величественным ходом «Черкешенки», когда она разворачивала свои паруса навстречу ветрам, меньше всего задумывались о её грядущей судьбе. Еще меньше об этом думали те, кто находился на борту, ведь уверенность — главная черта моряков, и они обладают счастливым даром передавать эту уверенность любому, кто оказывается в их компании. Мы опустим описание самого плавания и ограничимся лишь рассказом о катастрофе.

Это случилось во время шторма, дувшего с северо-запада. Буря свирепствовала уже три дня, и «Черкешенку» отнесло далеко в Бискайский залив. Около двенадцати часов ночи намечилось легкое затишье. Капитан, остававшийся на палубе, вызвал к себе старшего помощника.

— Освальд, — сказал капитан Ингрэм, — шторм утихает, и я думаю, что до утра худшее уже останется позади. Я прилягу на час-другой; зовите меня, если что-то изменится.

Освальд Барет — высокий, мускулистый и статный представитель американских земель — внимательно осмотрел весь горизонт, прежде чем ответить. Наконец его взгляд остановился и замер на подветренной стороне.

— Сдается мне, что нет, сэр, — промолвил он. — Я не вижу никаких признаков прояснения с подветренной стороны. Помяните мое слово: это лишь передышка для отдыха, а потом раздует с новой силой.

— Шторм бушует уже три дня, — возразил капитан Ингрэм, — а это обычный срок для летней бури.

— Да, — подхватил помощник, — но только при условии, что ветер не задует с обратной стороны. Мне не нравится, как всё это выглядит, сэр. И шторм вернется, это так же верно, как то, что в Виргинии водятся змеи.

— Ну, будь что будет, — осторожно уклонился от спора капитан. — Держите ухо востро, Барет, и не покидайте палубу, чтобы вызвать меня, — пришлите кого-нибудь из матросов.

Капитан спустился в свою каюту. Освальд взглянул на компас в нактоузе, перекинулся парой слов с рулевым, отвесил один-два увесистых пинка под ребра кое-кому из матросов, прикорнувших на палубе, проверил уровень воды в колодце помпы, заложил за щеку свежую порцию жевательного табака и принялся изучать небесный свод.

Облако, гораздо более темное и низкое, чем остальные тучи, застилавшие небосвод, раскинулось по всему зениту и упиралось в горизонт с подветренной стороны. Освальд всматривался в него всего несколько секунд, как вдруг заметил слабое, колеблющееся мерцание молнии, прорезавшее самую плотную его часть. Затем блеснула еще одна молния, куда более яркая. Внезапно ветер стих, и «Черкешенка» выпрямилась после крена. Но вот ветер взвыл вновь, и судно опять накренилось под его напором до самых ватервейсов. Очередная вспышка молнии отозвалась уже далеким раскатом грома.

— Худшее осталось позади, говорите, капитан? Сдается мне, что самое худшее еще только впереди, — пробормотал Освальд, продолжая следить за небесами.

— Как она слушается руля, Мэтью? — поинтересовался Освальд, проходя на корму.

— Держу на ветер.

— В любом случае, надо убрать трисель, — продолжал помощник. — Эй, на корме, поживее! Опускайте трисель. Не отпускайте шкот, пока не спустите парус, иначе он так захлопает, что напугает нашу пассажирку до смерти. Ну уж нет, если я когда-нибудь обзаведусь собственным судном, на борту не будет ни одной женщины. Никакие доллары меня не заманят.

Молнии теперь полыхали частыми разветвленными зигзагами, а громовые раскаты, мгновенно следовавшие за каждой вспышкой, доказывали, что гроза совсем близко. Обрушился

ливень косого дождя. Ветер стих — взвыл снова — опять утих — зашел на румб или два, и промокшие, тяжелые паруса заполоскали.

— На ветер руль, Мэт! — крикнул Освальд, когда близкая вспышка молнии на мгновение ослепила, а сопровождавший её удар грома оглушил всех, кто находился на палубе. Ветер снова дунул с силой — и вдруг прекратился; воцарился полный штиль. Паруса безжизненно повисли на реях, дождь лил отвесными потоками, пока корабль качался с боку на бок в ложбине между волнами, и тьма внезапно стала непроглядной.

— Эй, кто-нибудь из вас, вниз! Ступайте зовите капитана, — приказал Освальд. — Клянись Богом, сейчас начнется. На грот-брасы, ребята, ставьте реи прямо. Живее! Надо было убрать этот марсель, — проворчал помощник, — да только не я здесь капитан. Брасовать реи, парни! — прокричал он. — Быстро, быстро! Тут вам не детские игрушки!

Из-за того что в кромешной тьме и под ослепляющим потоком ливня было трудно находить и передавать друг другу снасти, матросы не смогли исполнить приказ помощника так быстро, как требовалось. И прежде чем они успели справиться с задачей, а капитан Ингрэм — подняться на палубу, ветер внезапно налетел на обреченное судно с румба, прямо противоположного прежнему шторму. Он ударил в паруса спереди, зарифмив их, и повалил корабль на бок. Рулевого швырнуло через штурвал, а остальных матросов, которые находились вместе с Освальдом у грот-биттенгов, вместе с бухтами тросов и всеми другими незакрепленными на палубе вещами увлекло в шпигаты. Они барахтались в воде, тщетно пытаясь выбраться из этой сплошной неразберихи.

Этот внезапный переворот разбудил всех матросов в кубрике. Решив, что корабль идет ко дну, они гурьбой хлынули наружу через единственный незадраенный люк прямо в рубахах, держа остальную одежду в руках — чтобы одеться, если позволит судьба.

Освальд Барет первым выкарабкался с подветренной стороны. Он добрался до штурвала и заложил его право на борт, на ветер. Капитан Ингрэм и еще несколько матросов тоже пробрались к рулю. В подобных чрезвычайных ситуациях это всегдашнее место сбора для всех хороших моряков. Однако вой шторма, слепящие потоки дождя и соленых брызг, волны, чей бег был нарушен внезапной переменой ветра и которые теперь обрушивались на корабль огромными массами воды, оглушительные раскаты грома и непроглядная тьма, сопровождавшая все эти ужасы, вкупе с сильным креном судна, вынуждавшим людей ползком перебираться с одной части палубы на другую, на какое-то время исключили всякую возможность осмысленных совместных действий.

Единственным их другом в этом противоборстве стихий оставалась молния (поистине бедственно то положение, в котором молнию готовы приветствовать как друга!). Её яркие, разветвленные вспышки, прорезавшие все четверти горизонта, позволяли им видеть свое положение. И каким бы ужасным оно ни представляло их взору на краткие мгновения, это было не так страшно, как темнота и неизвестность. Для тех, кто привык к трудностям и опасностям морской жизни, нет строк, которые сильнее воздействовали бы на воображение или ярче доказывали красоту и силу греческого поэта, чем строки из благородной молитвы Аякса:

«О царь, отец Зевс! Избавь от мглы сынов Ахейских! Сделай ясной погоду, дай нам видеть глазами! И погуби нас, если угодно, но погуби при свете!»

Освальд передал штурвал двум матросам и ножом срезал найтовы топоры, закрепленных вокруг бизань-мачты в крашенных брезентовых чехлах. Один он оставил себе, остальные отдал боцману и второму помощнику. Говорить так, чтобы тебя слышали, было почти невозможно из-за страшного рева ветра, но лампа в нактоузе всё еще горела, и при её слабом свете капитан Ингрэм сумел разобрать знаки, которые делал ему старпом, и кивком выразил свое согласие. Необходимо было повернуть корабль по ветру, но руль потерял над ним власть. Вскоре ванты бизань-мачты были перерублены, и мачта рухнула за борт — команда на других частях палубы этого почти не заметила, и даже те, кто стоял рядом, узнали об этом лишь по

ударам, которые получили самые неосторожные от падения марса-шкотов и падающего вместе с мачтой такелажа.

Освальд со своими спутниками вернулся к нактоузу и некоторое время следил за компасом. Корабль не уваливался под ветер и, казалось, еще глубже оседал в воду. Освальд снова подал знак, и капитан опять согласился. Отважный старпом бросился вперед, цепляясь за фальшборт и кофель-нагели; за ним последовали его выносливые товарищи, пока все трое не добрались до грот-русленей. Здесь из-за яростных ударов разбивающихся волн и прочности канатов, которые поддавались ударам топоров лишь неохотно, поскольку рубить приходилось чуть ли не под водой, эта работа сделалась чрезвычайно трудной и опасной.

Боцмана смыло за фальшборт и швырнуло под ветер, где только подветренный такелаж спас его от водяной могилы. Не пав духом, он снова взобрался на наветренную сторону, присоединился к товарищам и продолжил помогать им. Последний удар нанес Освальд — тали выскочили из юферсов, и высокая мачта исчезла в пенящихся волнах. Освальд и его товарищи поспешили покинуть опасное место и вернулись к капитану, который вместе со многими членами команды всё еще оставался у штурвала. Теперь судно медленно увалилось под ветер и выпрямилось. Через несколько минут оно уже летело вперед предвестником шторма, тяжело переваливаясь с боку на бок и время от времени ударяясь о обломки мачт, которые оно тащило за собой на подветренном такелаже.

Хотя ветер дул с прежней неистовостью, шум его стал заметно тише теперь, когда корабль шел на фордевинд (по ветру), лишившись кормовых мачт. Следующей задачей было освободить судно от обломков рангоута. Но хотя теперь к работе подключились все, до рассвета удалось сделать немного; да и при дневном свете это дело оставалось крайне опасным, поскольку корабль зарывался бортами в воду по самый планширь.

Матросов, выполнявших эту работу, обвязывали тросами, чтобы их не смыло за борт. Едва с этим было покончено, как от тяжелой бортовой качки, усугубленной резким ударом волны в район фока-галсового обуха (чесс-три), фок-мачта рухнула вперед через правый кра-рамбол. Так в разгар шторма «Черкешенка» полностью лишилась мачт.

Глава четвертая. Течь

Обломки фок-мачты убрали за борт. Шторм всё еще продолжался, но солнце теперь светило ярко и грело тепло. «Черкешенку» снова привели к ветру. Всю опасность сочли миновавшей, и матросы шутили и смеялись, усердно заготавливая фалыш-мачты, чтобы добраться до порта назначения.

— Я бы так не сокрушался из-за этой передрыги, — молвил боцман, — если бы не грот-мачта; уж больно хороша была. Во всей Миссисипи вдоль и поперек не сыскать другого такого дерева.

— Ба, брось ты, — ответил Освальд, — в море полно рыбы не хуже той, что уже поймана, а в лесах растет полно деревьев не хуже тех, что уже срублены. Думаю, правда, что в Ливерпуле за рангоут нам придется выложить кругленькую сумму, — но это уж забота судовладельцев.

Ветер, который в момент внезапной перемены на юго-восток дул с силой урагана, теперь превратился в ровный крепкий шторм — из тех, встретить которые готов любой моряк и над которыми на флоте только посмеиваются. Небо тоже было чистым и светлым, и им не грозила опасность прижимного ветра к берегу. Это была упоительная перемена после ночи в крошечной тьме, опасности и неразберихе, и люди работали споро, чтобы поставить на корабле достаточно парусов, дабы усмирить качку и лечь на курс.

— Надо полагать, теперь, когда мы поставили трисель на носу, капитан решит идти вперед, — заметил один из матросов, занятый заделкой юферса.

— Да, — ответил боцман, — и сдается мне, с таким бакштагом нам много парусов и не понадобится.

— Ну, вот вам и выгода от потери мачт — с такелажем возиться почти не надо.

— Хватит еще возиться, Билл, когда придем в порт, — хмуро отозвался другой. — Весь нижний такелаж заново клетневать да треневать, и каждый блок по-новой ввязывать.

— Ничего, дольше в порту пробудем — я хоть женюсь.

— Послушай, Билл, да сколько раз ты собираешься жениться? Насколько мне доподлинно известно, у тебя в каждом штате по жене.

— В Ливерпуле-то у меня жены нет, Джек.

— Ну, там-то можешь и обзавестись, Билл. Ты ведь последние три недели так и вился вокруг той негритянки.

— В шторм хороша любая гавань, да только для портовой службы она не сгодится. Но вообще-то вы тут все кругом неправы, Джек: мне просто ребятишки по душе. Люблю смотреть на них обоих, когда они вместе у негритянок на груди висят. Мне это всегда напоминает двух обезьян-коат, которые нянчат парочку котят.

— Женщин-то я различаю, а вот в детях никогда не разберусь. Они же как две капли воды, один в один, верно, Билл?

— Ага, точно две блестящие пули из одной изложницы. Слышь, Билл, а у какой-нибудь из твоих жен рождались близнецы?

— Нет, и я не собираюсь заводить их, пока судовладельцы не станут платить нам по двойному тарифу.

— Между прочим, — прервал их Освальд, который стоял у наветренной переборки, прислушиваясь к разговору и поглядывая за ходом работы, — не мешало бы проверить, не набрала ли она воды после всей этой качки и трепки. Клянусь Богом, я об этом и не подумал. Плотник, бросай свое тесло да измерь уровень в колодце.

Плотник, который, невзирая на сильную качку лишившегося мачт судна, выполнял свою важную часть работы, немедленно повиновался приказу. Он вытянул каболку, к которой была привязана железная футовая линейка, опустил её в помпный колодец и заметил, что вода с

неё просто капает. Рассудив, что шнур мог намокнуть от огромного количества воды, перекачавшейся через палубу, плотник отвязал прежнюю каболку от линейки, вытащил другую из кучи старого каната, валявшегося на палубе и разбиравшегося матросами, а затем тщательно и не торопясь опустил лот в колодец. Он вытянул его обратно, несколько мгновений испуганно всматривался и воскликнул:

— Семь футов воды в трюме, клянусь Богом!

Если бы всю команду «Черкешенки», поголовно находившуюся на палубе, поразило ударом тока, перемены в их лицах не были бы столь разительными, какими их сделало это ужасающее известие.

Обрушьте на моряков любое бедствие, любую опасность, какую только могут сулить волны, ветер, стихии или враг, и они встретят их с мужеством, граничащим с героизмом. Всё, чего они требуют, — это чтобы та единственная доска, что отделяет их от смерти, была цела, и тогда они будут полагаться на собственные силы и верить в свое мастерство. Но стоит открыться течи, как они оказываются наполовину парализованы; а если вода прибывает, они и вовсе падают духом. Ведь когда они видят, что их усилия тщетны, они становятся беспомощными, как дети.

Услышав доклад плотника, Освальд бросился к помпам.

— Проверь еще раз, Авель, этого не может быть! Отрежь этот линь, дай-ка мне сухую каболку.

Освальд еще раз измерил глубину в колодце, и результат оказался прежним.

— Надо ставить помпы, ребята, — сказал помощник, стараясь скрыть собственный страх. — Добрая половина этой воды наверняка натекла внутрь, еще когда корабль лежал на боку.

Эта мысль, так вовремя высказанная, ободрила матросов. Они поспешили исполнить приказ, а Освальд спустился вниз, чтобы доложить обо всем капитану. Изнуренный бдением и усталостью, капитан, едва опасность сочли миновавшей, как раз прилег в свою койку, чтобы подарить себе несколько часов отдыха.

— Ты думаешь, Барет, что у нас открылась течь? — взволнованно спросил капитан. — Она никак не могла набрать столько воды сверху.

— Никак не могла, сэр, — ответил помощник. — Но её так трепало, что могли разойтись швы обшивки выше ватерлинии. Надеюсь, дело не хуже.

— Каково же тогда твое мнение?

— Боюсь, её повредили обломки мачт. Помните, сколько раз мы бились об них, прежде чем смогли освободиться? Особенно один раз, помнится, грот-мачта оказалась прямо под ее днищем, и корабль ударился о неё с огромной силой.

— Что ж, на всё воля Божья. Идемте на палубу как можно скорее.

Когда они поднялись на палубу, к капитану подошел плотник и тихо доложил:

— Семь футов три дюйма, сэр.

Помпы уже работали вовсю. По указанию боцмана матросы разделились на смены и, обнажившись до пояса, сменяли друг друга каждые две минуты. Полчаса они трудились без усталости. Это были полчаса томительного ожидания: главное, что требовалось выяснить, — просачивалась ли вода через верхние швы и набралась ли она во время повторного шторма. Если так, оставалась полная надежда совладать с ней. Капитан Ингрэм и помощник молча стояли у шпигеля; первый держал в руке часы, пока матросы выбивались из последних сил. Когда эти полчаса истекли, было десять минут восьмого. В колодец опустили лот и тщательно измерили линь — семь футов шесть дюймов! Вода прибывала, несмотря на то что люди качали помпы на пределе своих возможностей.

Матросы обменялись немим взглядом, полным отчаяния, за которым тут же последовали проклятия и брань. Капитан Ингрэм хранил молчание, крепко сжав губы.

— Всё кончено, крышка нам! — воскликнул один из людей.

— Еще не всё, ребята, у нас есть еще один шанс, — отозвался Освальд. — Сдается мне, что борта корабля разошлись от этой чертовой ночной трепки, и теперь она вовсю черпает воду через швы верхней обшивки. Если так, нам нужно просто снова лечь на фордевинд и хорошенько подналечь на помпы. Когда её перестанет так безжалостно бить волной в борт, швы снова сойдутся.

— Не удивлюсь, если мистер Барет прав, — подхватил плотник. — Во всяком случае, я мыслю так же.

— И я, — добавил капитан Ингрэм. — Ну же, братцы! Нечего помирать, пока в пороховницах есть еще порох. Давайте попробуем снова.

И, чтобы подбодрить команду, капитан Ингрэм скинул сюртук и сам встал к помпам на первую смену, пока Освальд отправился к штурвалу и повернул судно по ветру.

Корабль тяжело переваливался на попутной волне, и та ленивая медлительность, с которой «Черкешенка» выпрямлялась, наглядно доказывала, как много воды скопилось в трюме. Матросы без удержу надрывались целый час, после чего колодец измерили снова — восемь футов!

Люди не стали заявлять, что больше не прикоснутся к помпам, но их намерения сделались ясны без лишних слов: каждый молча принялся натягивать обратно рубаху и куртку, снятые перед началом работы.

— Что делать, Освальд? — спросил капитан Ингрэм, когда они отошли на корму. — Сам видишь, люди качать больше не станут, да и толку-то от этого никакого не было бы. Мы обречены.

— «Черкешенка» уж точно обречена, сэр, тут я с вами согласен, — ответил помощник. — Помпы не спасут, им не продержать её на плаву до рассвета. А стало быть, придется полагаться на шлюпки, они у нас, кажется, все целы, и покинуть судно до наступления темноты.

— Переполненные шлюпки в такое бушующее море! — покачал головой капитан Ингрэм, мрачно вздохнув.

— Шлюпки — дело дрянное, спорить не стану, но всё же лучше, чем само море. Сейчас главное — удержать команду от пьянства. Если это удастся, то будет куда полезнее, чем изнурять их пустой работой. Силы им еще пригодятся, прежде чем они снова ступят на сухую землю — если вообще кому-то из нас так повезет. Мне поговорить с ними?

— Поговори, Освальд, — ответил капитан. — За себя-то я мало тревожусь, видит Бог, но моя жена... мои дети!

— Ребята, — обратился Освальд к матросам, которые в угрюмом молчании ожидали исхода их совещания. — Попусту качать помпы теперь — только силы растрачивать зря. Придется уповать на шлюпки, а хорошая шлюпка всяко лучше худого корабля. Правда, этот шторм и беспорядочная встречная волна для шлюпок сейчас слишком опасны, так что лучше нам держаться за корабль, пока это возможно. Давайте-ка дружно примемся за дело, подготовим шлюпки, соберем провизию, воду и всё самое необходимое, а там уж положимся на милость Божию да на собственные руки.

— Никакая шлюпка не выдержит такого моря, — заметил один из матросов. — По мне, раз уж жизнь выходит короткой, так пускай она будет веселой. Что скажете, братцы? — добавил он, обращаясь к остальной команде.

Кое-кто из матросов разделял это мнение, но Освальд, шагнув вперед, схватил один из топоров, лежавших у грот-биттенгов, подошел к говорившему матросу и пристально посмотрел ему в лицо.

— Уильямс, — сказал помощник, — жизнь у всех нас и впрямь может выйти короткой, но уж точно не веселой — я прекрасно понимаю, к чему ты клонишь. Мне бы очень не хотелось брать на душу твою кровь или кровь кого-то еще, но, видит Бог, я разрублю до самого плеча первого, кто посмеет сунуться в кюйт-камеру за спиртным. Вы знаете, я шутить не умею.

Позор вам! Мужчины вы или кто, если ради глотка выпивки прямо сейчас готовы упустить единственный шанс напиться каждый день, как только мы снова окажемся на берегу? Всему свое время, и сдается мне, сейчас самое время быть трезвыми.

Поскольку большая часть команды приняла сторону Освальда, меньшинству пришлось подчиниться, и приготовления начались. Обе шлюпки, находившиеся на роствах, оказались в хорошем состоянии. Часть людей занялась вырубкой фальшбортов, чтобы шлюпки можно было спустить прямо за борт, поскольку поднять и вывалить их на талиях было уже невозможно.

В колодце снова замерили уровень — девять футов воды в трюме, и корабль явно стремительно оседал. Прошло еще два часа; шторм стал заметно утихать, а море, которое при перемене ветра сделалось беспорядочным, похоже, вернулось к своему обычному правильному бегу. Всё было готово. Едва принявшись за работу, матросы в какой-то мере приободрились; их поддерживали новые надежды, вызванные легкой переменной в их пользу благодаря ослаблению ветра.

Обе шлюпки были достаточно вместительными, чтобы принять всю команду и пассажиров, однако, как говорили матросы между собой (что доказывало доброту их сердец): «Что станет с этими двумя бедными крошками, если им придется провести в открытой шлюпке дни и, быть может, ночи?» Капитан Ингрэм спустился к госпоже Темплмор, чтобы сообщить ей об их горестной участи, и материнское сердце, как и её голос, отозвалось эхом на слова моряков: «Что будет с моими бедными малютками?»

Лишь около шести часов вечера всё было окончательно готово. Корабль медленно привели к ветру и спустили шлюпки на воду. К этому времени шторм почти улегся, но судно было до краев полно воды и, как ожидали, должно было вот-вот пойти ко дну.

Нет такого времени, когда хладнокровие и решительность требовались бы сильнее, чем в положении, которое мы попытались описать. Невозможно предугадать точный миг, когда залитое водой судно при сильном волнении может пойти ко дну, и его обитатели пребывают в состоянии душевной лихорадки, страшая остаться на нем слишком долго — так, что оно внезапно погрузится в пучину и оставит их барахтаться в волнах. Это чувство двигало многими из команды «Черкешенки», и они уже перебрались в шлюпки.

Всё было распределено: Освальд принял командование над одной шлюпкой, и было решено, что большая шлюпка примет госпожу Темплмор и её детей под защиту капитана Ингрэма. Когда число людей, назначенных в шлюпку Освальда, заполнилось, он отошел от борта, чтобы освободить место для другой, и лег в дрейф с подветренной стороны, собираясь держаться вместе.

Госпожа Темплмор поднялась на палубу вместе с капитаном Ингрэмом, и тот помог ей спуститься в шлюпку. Наконец рядом с ней усадили кормилицу с одним ребенком. Коко вел за собой Джуди, вторую кормилицу, державшую на руках оставшегося младенца. Капитан Ингрэм, который был вынужден спуститься в шлюпку вместе с первым ребенком, уже собирался вернуться на палубу, чтобы помочь Джуди со вторым, как вдруг корабль тяжело зарылся носом, и его бак скрылся под волной. Одновременно с этим планширь шлюпки пробило от удара о борт судна.

— Он тонет, клянусь Богом! — в панике закричали матросы в шлюпке и оттолкнулись от борта, чтобы не попасть в водоворот.

Капитан Ингрэм, стоявший на банке шлюпки, чтобы помочь Джуди, от удара повалился на её днище. Прежде чем он успел подняться и высвободиться, шлюпку отбросило от корабля и понесло под ветер.

— Мой ребенок! — закричала мать. — Мой ребенок!

— Выгребай обратно, ребята! — крикнул капитан Ингрэм, хватаясь за румпель.

Матросы, напуганные мыслью, что корабль уже идет на дно, теперь увидели, что он всё еще держится на плаву. Они налегли на весла, пытаясь вернуться к борту, но тщетно — им было

не одолеть встречный ветер и волну. Невзирая на все усилия, их относило всё дальше и дальше под ветер, пока обезумевшая от горя мать простирали руки, умоляя и заклиная их. Капитан Ингрэм, до последнего подгонявший матросов, понял, что дальнейшие попытки бесполезны.

— Мой ребенок! Мой ребенок! — кричала госпожа Темплмор, поднявшись на ноги и протягивая руки к судну.

По знаку капитана нос шлюпки повернули по ветру. Лишившаяся дитя мать поняла, что всякая надежда потеряна, и без чувств упала на руки спутников.

Глава пятая. Старая дева.

Как-то утром, вскоре после описанных нами бедствий, мистер Уитерингтон спустился в столовую несколько раньше обычного и обнаружил, что его обитое зеленым сафьяном кресло уже занято не кем иным, как лакеем Уильямом. Тот, положив ноги на каминную решетку, с таким упоением читал газету, что даже не услышал, как вошел хозяин.

— Клянусь моим предком, который сражался на обрубках ног! Надеюсь, вам вполне удобно, мистер Уильям? Нет-нет, прошу вас, не ради Бога, не позволяйте мне беспокоить вас, сэр.

Уильям, хоть и был нагл, как и большинство его собратьев по ремеслу, всё же немного растерялся: — Прошу прощения, сэр, но мистер Джонатан просто не успел просмотреть газету.

— Насколько мне известно, от него этого и не требуется, сэр.

— Мистер Джонатан говорит, сэр, что всегда полезно пробежать глазами извещения о смерти, дабы новости подобного рода не стали для вас потрясением.

— Какая поразительная заботливость.

— И еще там есть статья, сэр, о кораблекрушении.

— О кораблекрушении! Где, Уильям? Боже правый! Где она?

— Боюсь, это то самое судно, о котором вы так беспокоитесь, сэр... Как же его... забыл название, сэр.

Мистер Уитерингтон выхватил газету, и его взгляд тут же наткнулся на заметку, где подробно описывалось спасение двух негров и ребенка с обломков «Черкешенки».

— Это действительно оно! — воскликнул мистер Уитерингтон. — Моя бедная Сесилия в открытой шлюпке!.. Видели, как одна из шлюпок пошла ко дну... Быть может, она погибла... Милосердный Боже! Спасся один мальчик. Господи помилуй! Где Джонатан?

— Я здесь, сэр, — с глубоким прискорбием отозвался Джонатан. Он только что принес яйца и теперь замер за креслом хозяина, прямой как могильный столб, — ведь случай был опасный, если не сказать смертельный.

— Сразу после завтрака я должен ехать в Портсмут... Впрочем, есть я не стану — аппетит совершенно пропал.

— В столь печальных обстоятельствах люди редко едят, сэр, — заметил Джонатан. — Прикажете подать ваш собственный выезд, сэр, или траурную карету?

— Траурную карету на скорости четырнадцать миль в час, да еще и на двух парах лошадей?! Джонатан, ты сошел с ума!

— Желаете ли вы, чтобы для кучера и слуг, которые вас сопровождают, были приготовлены черные шелковые ленты на шляпы и перчатки, сэр?

— Черт бы побрал твою лавочку! Нет! Это воскрешение из мертвых, а не похороны. Судя по всему, негр считает, что ко дну пошла только одна шлюпка.

— *Mors omnia vincit**, — изрек Джонатан, возведя очи к небу.

— Не твое дело! Занимайся лучше своими обязанностями. Это стучит почтальон — ступай посмотри, есть ли письма.

Писем оказалось несколько. Среди прочих было и послание от капитана Максвелла с «Эвридики», в котором подробно излагались уже известные обстоятельства. Капитан сообщал мистеру Уитерингтону, что отправил обоих негров и ребенка по его адресу сегодняшним дили-

жансом, и что один из офицеров, едуший в город тем же рейсом, доставит их к нему в дом в целости и сохранности.

* *Mors omnia vincit* (лат.) — *Смерть побеждает всё.*

Капитан Максвелл был старым знакомым мистера Уитерингтона — он не раз обедал в его доме вместе с Темплморами, а потому сумел выведать у негров достаточно сведений, чтобы знать, куда их направить.

— Кровью моих предков клянусь! Они будут здесь уже сегодня вечером, — воскликнул мистер Уитерингтон, — и мне не придется никуда ехать. Что же делать? Надо велеть Мэри приготовить комнаты. Слышишь, Уильям? Постели для одного маленького мальчика и двух черномазых.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Уильям. — Но куда именно пристроить этих черных?

— Пристроить? Да мне плевать! Пусть один спит с кухаркой, а другая — с Мэри.

— Очень хорошо, сэр, я им передам, — ответил Уильям и поспешил прочь, заранее предвкушая, какая буча поднимется на кухне.

— Если позволите заметить, сэр, — вмешался Джонатан, — один из этих негров, насколько я понимаю, мужчина.

— Ну и что с того?

— Только то, сэр, что служанки могут воспротивиться спать с ним в одной комнате.

— Клянусь всеми напастями рода Уитерингтонов! Это верно. Что ж, тогда возьми его к себе, Джонатан, — тебе ведь по душе этот цвет.

— Только не в темноте, сэр, — с поклоном отозвался Джонатан.

— Ну так пусть спят вместе, вот дело и улажено.

— А они муж и жена, сэр? — полюбопытствовал дворецкий.

— Черт бы их побрал обоих! Откуда мне знать? Подай мне завтрак, а об этом мы потолкуем после.

Мистер Уитерингтон принялся за яйца и маффины, уплетая завтрак с необычайной быстротой и сам не зная почему. Причина же крылась в том, что грядущее прибытие гостей совершенно сбilo его с толку, и ему не терпилось в тишине обдумать эту дилемму — а для старого холостяка это была настоящая дилемма. Проглотив вторую чашку чая, он поудобнее устроился в кресле и вскоре повел сам с собою следующий монолог:

— Кровью Уитерингтонов клянусь! Что мне, старому холостяку, делать с младенцем, да еще и с кормилицей, черной как пиковый туз, и в придачу с еще одним черным малым? Отправить его обратно? Да, так будет лучше всего. Но ребенок... Будет будить меня каждое утро в пять часов своим криком. Обяжут целовать его трижды в день — приятного мало! А тут еще эта сиделка-негритянка... губищи толстые... будет целовать ребенка целыми днями, а потом совать его мне. Деревня деревней, чуть у дитяти приключится рез в животе, она ему в глотку перечный стручок запихает по вест-индскому обычаю. А у детей вечно животы болят! Бедная, бедная моя кузина!.. Что-то случилось с ней и со вторым ребенком? Хоть бы их подобрал кто-нибудь, бедняжек! Тогда бы она приехала и сама занялась своими детьми. Ума не приложу, как быть. Так и подмывает послать за сестрицей Могги... но она такая суетливая. Ладно, спешить не стану. Подумаю еще.

Размышления мистера Уитерингтона были прерваны двойным стуком в дверь.

— Войдите, — сказал он.

На пороге появилась кухарка с лицом багровым, будто она только что приготовила обед на восемнадцать персон, и к тому же без своего обычного чистого фартука.

— Если вам угодно, сэр, — сказала она, приседая в реверансе, — покорнейше прошу вас подыскать себе другую кухарку.

— О, отлично! — ответил мистер Уитерингтон, раздосадованный тем, что его прервали.

— И если вам угодно, сэр, я бы хотела уйти прямо сегодня. Ей-богу, сэр, я не останусь ни минуты.

— Да ступай ты хоть к черту, если угодно! — сердито отрезал мистер Уитерингтон. — Но сначала выкатись отсюда и закрой за собой дверь.

Кухарка удалилась, и мистер Уитерингтон снова остался один.

— Проклятая старуха, какая муха её укусила! Не желает готовить для черных, надо полагать. Да, в этом всё и дело.

Тут размышления мистера Уитерингтона снова были прерваны вторым двойным стуком.

— А, одумалась, надо фансу. Войдите!

Однако вошла не кухарка, а горничная Мэри.

— Если вам угодно, сэр, — всхлипывая, произнесла она, — я бы хотела оставить место.

— Заговор, клянусь небесами! Что ж, можешь уходить.

— Сегодня же вечером, сэр, если позволите, — ответила женщина.

— Да хоть сию секунду, мне-то что! — в сердцах воскликнул мистер Уитерингтон.

Горничная вышла, и мистеру Уитерингтону потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя.

— Слуги в этой стране совсем от рук отбились, — проворчал он наконец. — Гордячки глупые... Не желают, небось, убирать комнаты за черными. Ну да, в этом всё и дело, черт бы их побрал, и черных, и белых! Весь дом перевернулся вверх дном из-за появления одного младенца. Да уж, приятного мало. Что же мне делать? Послать за сестрицей Могги?.. Нет, позову-ка я Джонатана.

Мистер Уитерингтон позвонил в колокольчик, и на пороге появился Джонатан.

— Что всё это значит, Джонатан? — набросился на него хозяин. — Кухарка злится, Мэри ревмя ревет, обе уходят... Из-за чего весь сыр-бор?

— Да как же, сэр, Уильям сказал им, будто вы отдали строжайшее приказание, чтобы эти двое черных спали с ними. И, если не ошибаюсь, Мэри он заявил, будто именно мужчина должен спать в её комнате.

— Черт бы побрал этого бездельника! Вечно от него одни неприятности. Ты же знаешь, Джонатан, я вовсе не это имел в виду.

— Я так и думал, сэр, поскольку это совершенно идет вразрез с обычаями, — ответил Джонатан.

— Ну так пойди и скажи им об этом, и чтобы я больше не слышал ни слова.

Затем мистер Уитерингтон держал совет со своим дворецким и одобрил все предложенные им меры. В назначенный час гости прибыли и были должным образом устроены. Маленький Эдвард не страдал болями в животе и вовсе не будил мистера Уитерингтона в пять часов утра; так что, в конце концов, всё оказалось не столь уж и скверно.

Однако, пусть даже дела шли и не так скверно, как опасался мистер Уитерингтон, до полного покоя было далеко. Постоянные стычки со слугами, жалобы Джуди на ломаном английском на кухарку — которая, надо признать, питала сильное предубеждение против неё и Коко, — легкие недомогания ребенка и прочие неурядицы до того донимали мистера Уитерингтона, что он перестал находить свой дом тихой и мирной обителью.

Прошло уже без малого три месяца, а о шлюпках не было никаких известий. Капитан Максвелл, навестивший мистера Уитерингтона, высказал твердое убеждение, что они, должно быть, затонули во время шторма. Поскольку надежды на возвращение госпожи Темплмор, которая могла бы взять заботу о дитяти на себя, не осталось, мистер Уитерингтон в конце концов решил написать в Бат, где проживала его сестра. Он подробно изложил ей всю историю и попросил приехать, дабы взять в свои руки управление его домашним хозяйством. Через несколько дней он получил следующий ответ:

«Бат, август.

Мой дорогой брат Антони!

Твое письмо благополучно дошло до меня в прошлую среду, и должна признаться, что его содержание немало меня удивило. Я до того расчувствовалась и так много думала об этом, что даже сделала ренонс* за вистом у леди Бетти Блэбкин и проиграла четыре шиллинга и шесть пенсов.

Ты пишешь, будто у тебя в доме находится ребенок нашей кузины, которая столь неблагопристойно вышла замуж. Надеюсь, твои слова — правда; впрочем, мне отлично известно, какими грешками грешат холостяки, хотя, как говорит леди Бетти, о подобных неприличных вещах лучше никогда не говорить и даже не намекать на них. Ума не приложу, почему мужчины, будучи неженатыми, считают себя свободными от соблюдения той чистоты, которую девицы столь бережно хранят; того же мнения придерживается и леди Бетти, с которой у меня состоялся небольшой разговор на эту тему. Как бы то ни было, поскольку дело уже сделано, она согласна со мной, что лучше всего забыть его, насколько возможно.

** Ренонс — в карточных играх: ошибочный ход картой не той масти, вопреки правилам.*

«Полагаю, ты не намерен делать этого ребенка своим наследником, что я сочла бы крайне неподобающим; и действительно, леди Бетти говорит мне, что налог на наследство в таком случае составляет десять процентов, и его никак не избежать. Впрочем, я взяла себе за правило никогда не говорить о подобных вещах. Что же касается твоей просьбы приехать и взять в свои руки управление твоим домом, то я посоветовалась по этому поводу с леди Бетти, и она согласна со мной, что ради чести семьи мне лучше приехать, так как это спасет видимость приличий. Ты погряз в куче неприятностей, как и большинство мужчин, которые ведут вольный образ жизни и позволяют хитрым и соблазнительным особам сбивать себя с пути истинного. Однако, как говорит леди Бетти: «Чем меньше сказано, тем скорее дело уладится».

Посему я сделаю необходимые распоряжения, чтобы сдать свой дом, и надеюсь приехать к тебе примерно дней через десять; раньше не могу, так как обнаружила, что до конца этого срока связана обязательствами. Мне уже задавали множество вопросов на эту неприятную тему, но я неизменно даю один и тот же ответ: холостяки всегда остаются холостяками, и, во всяком случае, это не так ужасно, как если бы ты был женат. Ведь я взяла себе за правило никогда не говорить и даже не намекать на подобные вещи, ибо, как замечает леди Бетти: «Мужчины вечно попадают в переделки, и чем скорее всё прикроется, тем лучше». На сем пока всё от твоей любящей сестры

Маргарет Уитерингтон.

P.S. Мы с леди Бетти совершенно согласны с тем, что ты поступил очень правильно, наняв двух черных, чтобы они доставили ребенка в твой дом: благодаря этому в глазах соседей всё дело принимает иностранный вид, и мы сможем сохранить наши секреты в тайне.

М. У.»

— Ну нет, клянусь всеми грехами рода Уитерингтонов, от такого недолго и с ума сойти! Проклятая подозрительная старая дева! Ноги её не будет в этом доме. Проклятая леди Бетти и все подобные ей старые кошки, обожающие сплетни! Господи помилуй! — продолжал мистер Уитерингтон и с глубоким вздохом швырнул письмо на стол. — Всё это как угодно, только не приятно.

Но если поначалу мистер Уитерингтон находил ситуацию просто малоприятной, то дальнейшее её развитие оказалось и вовсе невыносимым.

Его сестра Могги прибыла и воцарилась в доме со всей помпой и покровительственным видом особы, явившейся спасти репутацию и доброе имя своего брата. Когда ребенка впервые принесли и показали ей, она, вместо того чтобы сразу заметить поразительное сходство мальчика с мистером Темплмором, принялась переводить свой единственный глаз с младенца на лицо брата и, погрозив ему пальцем, воскликнула:

— О, Антони! Антони! И ты надеялся меня провести? Нос, рот — вылитый ты! Антони, как не стыдно! Позор, какой позор!

Однако нам следует поскорее перешагнуть через те мытарства, на которые обрекли мистера Уитерингтона его собственная доброта и великодушие. Не проходило и дня — да что там дня, едва ли выдавался хоть час, — чтобы его слух не оскорбляли колкие намеки сестры. Джуди и Коко были отосланы обратно в Америку; слуги, преданно служившие ему долгие годы, один за другим подавали расчет, и в дальнейшем прислуга в доме менялась едва ли не с каждой сменой луны. Сестра деспотично правила и домом, и самим братом, и бедный мистер Уитерингтон лишился всякого покоя вплоть до того дня, когда юного Эдварда пришло время отправить в школу. Тогда мистер Уитерингтон наконец набрался духу и после нескольких бурных месяцев выставил сестрицу обратно в Бат, вновь обретя долгожданный комфорт.

Эдвард приезжал домой на каникулы и стал всеобщим любимцем. Однако по округе уже повсюду ходил слух, будто мальчик — родной сын старого джентльмена. Толки эти были столь неприятны и оскорбительны для мистера Уитерингтона, что, при всей своей горячей привязанности к мальчику, он даже обрадовался, когда тот объявил о желании выбрать профессию моряка.

Капитан Максвелл помог ему устроиться на службу, а позже, когда сам капитан из-за пошатнувшегося здоровья и упадка сил был вынужден на время оставить флот, он подыскивал для своего протеже другие корабли. Посему мы должны позволить пройти нескольким годам, в течение которых Эдвард Темплмор продвигается по службе, мистер Уитерингтон стареет и становится всё более привередливым, а его сестрица Могги коротает дни за выслушиванием замечаний леди Бетти и своей обожаемой игрой в вист.

За всё это время о шлюпках, равно как и о госпоже Темплмор с её младенцем, не донеслось ни единой весточки. Естественным образом все сочли, что они погибли, и вспоминали о них лишь как о делах давно минувших дней.

Глава шестая Мичман

На наветренной стороне шканцев фрегата Его Величества «Юникорн» находились две весьма важные персоны. Первой был капитан Пламптон, командир корабля, человек огромного — если не в высоту, то в ширину — объема, занимавший на палубе гораздо больше места, чем ему полагалось бы, не будь он полновластным хозяином судна, имеющим право на львиную долю пространства. Ростом капитан Пламптон был не более четырех футов и десяти дюймов, зато в объёме ничуть не уступал собственной высоте: материала на него ушло вполне достаточно, вот только его следовало бы получше раскатать. Он прохаживался по палубе в расстегнутом настежь сюртуке, заложив большие пальцы в проймы жилета, чтобы расправить плечи и тем самым еще сильнее увеличить свои горизонтальные очертания. Голову он держал гордо откинутой назад, отчего его грудь и живот выдавались далеко вперед. Он являл собой истинное воплощение важности и добродушия, и шествовал с важным видом, точно актер в торжественной процессии.

Второй персоной был первый лейтенант, которого природе угодно было изваять по совсем иному образцу. Он был столь же высок, сколь короток был его капитан, и столь же тощ, сколь дородно было его начальство. Его длинные, худые, как жерди, ноги простирались едва ли не до плеч командира, и сам он так склонялся над головой старшего по званию, будто сам был подъемным краном, а капитан — тюком с товаром, который надлежало поднять. Руки он держал за спиной, переплетя два пальца, а главная его трудность, судя по всему, заключалась в том, чтобы приноровить свой широкий шаг к утиной поступи капитана. Черты его лица, такие же острые и сухощавые, как и всё тело, выдавали крайне сварливый нрав.

Он как раз изливал разнообразные жалобы на самых разных лиц, однако капитан до сих пор оставался невозмутим. Капитан Пламптон был человеком с ровным характером, которому для полного счастья хватало хорошего обеда. Лейтенант Маркитолл, напротив, обладал характером причудливым и был из тех людей, что вечно ищут повод для недовольства.

— Совершенно невозможно, сэр, — продолжал первый лейтенант, — нести службу без должной поддержки.

На это вещее изречение, которое, учитывая комплекцию собеседников, снизошло словно откуда-то свыше, капитан ответил коротким:

— Весьма верно.

— В таком случае, сэр, полагаю, вы не станете возражать, если я внесу этого человека в рапорт на наказание?

— Я подумаю об этом, мистер Маркитолл. — У капитана Пламптона это обычно означало «нет».

— К моему глубокому сожалению, сэр, молодые джентльмены доставляют массу хлопот.

— Мальчишки всегда таковы, — отозвался капитан.

— Да, сэр, но службу необходимо нести, а без них я обойтись не могу.

— Совершенно верно. Мичманы весьма полезны.

— Вынужден заметить, сэр, что как раз пользы от них никакой. Вот, к примеру, мистер Темплмор. Я ничего не могу с ним поделать — он только и делает, что смеется.

— Смеется?! Мистер Маркитолл, неужели он смеется над вами?

— Не то чтобы прямо надо мной, сэр, но он смеется вообще над всем. Если я отправляю его на салинг, он лезет туда смеясь; если я зову его вниз, он спускается смеясь; если я выговариваю ему, он смеется уже через минуту. Словом, сэр, он только и делает, что хохочет. Я бы очень просил вас, сэр, поговорить с ним и посмотреть, не сможет ли ваше вмешательство...

— Заставить его заплакать, а? В этом мире уж лучше смеяться, чем плакать. Неужели он никогда не плачет, мистер Маркитолл?

— Плачет, сэр, и весьма некстати. На днях, вы, возможно, помните, когда вы наказали морского пехотинца Уилсона, которого я приставил следить за его рундуком и койкой, этот мальчишка проплакал всё время. Это едва ли не равносильно... по меньшей мере, это скрытый вид бунта с его стороны, поскольку это подразумевало...

— Что мальчику было жаль своего слугу, которого наказали. Я и сам, мистер Маркитолл, всякий раз сочувствую матросу, когда его порют.

— Что ж, я не настаиваю на вопросе о его слезах — на это я еще мог бы закрыть глаза. Но его смех, сэр! Я покорнейше прошу вас обратить на это внимание. Вот и он, сэр, как раз поднимается из люка. Мистер Темплмор, капитан желает поговорить с вами.

На самом деле капитан вовсе не желал с ним говорить, но, поскольку первый лейтенант буквально навязал ему этот разговор, деваться было некуда. Мистер Темплмор приложил руку к шляпе и предстал перед капитаном — и, к нашему прискорбию, с такой добродушной, лукавой и доверчивой ухмылкой на лице, что она разом подтверждала и справедливость обвинения, и всю тяжесть проступка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.